

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

18 мая в Национальной библиотеке РК в Алматы традиционно проходит День рождения Поэта – Олжаса Омаровича Сулейменова, на который поздравить Героя Труда Казахстана, видного общественного деятеля, ученого-лингвиста, народного писателя, основателя общественного антиядерного движения соберутся близкие друзья и соратники, почитатели его творчества, жаждущая приобщиться к этому духоподъемному событию молодежь. Поздравляя своего любимого автора «Простора» с 88-м днем рождения, редакция публикует его статью из книги «Так было» (журнальный вариант), о которой сам Олжас Омарович пишет: «Одна эта статья (выступление писателя на сломе эпох) объясняет краткую историю мировой цивилизации – этот конспект нужно прочесть и запомнить учителям средней школы, преподающим историю культуры в десятых-одиннадцатых классах. Учителя и старшеклассники периода т. н. независимости эту статью не читали».

К ЭПОХЕ ОСОЗНАННОЙ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

Доклад на Ташкентском симпозиуме писателей стран Азии и Африки (1978 г.)

20 лет минуло с того дня, когда в Ташкенте писатели 37 стран Азии и Африки совместной декларацией подтвердили осознанное стремление к единству.

Тогда впервые в одном собрании встретились продолжатели литератур, несущих на себе печать тысячелетий, и основоположники письменностей дотолее неизвестных. Собрались, чтобы определить общие задачи развития национальных культур, выявить платформу общих интересов. От встречи к встрече росло число участников нашего движения, в ассоциацию вливались новые члены – вновь образованные союзы и национальные ассоциации писателей. Уже на пятой конференции в Алма-Ате были представлены писательские организации 86 стран.

Первые собрания, естественно, превращались в политические форумы, что вызывало критику сторонников «чистого искусства». Вопрос свободы и ангажированности литературы неоднократно был предметом дискуссии на наших встречах.

...Само движение солидарности писателей Азии и Африки возникло в результате развития национально-освободительной борьбы. В движение вошли литераторы, связавшие свое творчество с антиимпериалистической, антиколониальной борьбой, борьбой против феодализма, социального неравенства. В результате их усилий рождалась на континентах новая, общественная, активная литература, формирующая сознание демократических масс.

Все наши встречи проходили под знаком этой борьбы.

Независимость – не панацея

Рушились последние колониальные империи и выдвигались на передний план следующие задачи культурного строительства. Независимость, добытая большинством народов Азии и Африки, не разрешила всех проблем, но породила новые. В тех странах, где задачи национально-освободительного движения не совмещались с задачами социально-освободительной борьбы, национальная независимость не освобождала от зависимости экономической и культурной.

Избавление от гнета колонизаторов закономерно усилило класс «своих» эксплуататоров.

И мы оказались свидетелями политического парадокса: борьба за национальное освобождение спланивала народ колоний, победа – разъединила, обнажив классовые, социальные противоречия, связанные с ростом имущественного расслоения, упрочнением позиций национальной буржуазии. Это состояние отразилось в литературе. Смысл нового измерения заключался в том, что если в период национально-освободительного движения литература борьбы рисовала романтический идеал – образ свободной родины, создавая приподнятые героические фигуры борцов, то теперь всё чаще возникали в литературе ноты разочарования и уныния.

Всё чаще говорится о трудности самостоятельного развития. Набирает силу сатирическая литература. Наступает отрезвление, и вместе с ним рождаются произведения литературы критического реализма. Обостряется глаз художника, внимательно анализируется состояние общества, стремление отразить сложнейшие процессы, начавшиеся в стране в ходе радикальных перемен.

И вместе с тем часть писателей старается не замечать новой ситуации и продолжает придерживаться стереотипов прежнего романтизма. Не понимая или не желая понять всю сложность действительности, эти писатели создают собственные модели её.

Так возникают два способа уйти от непонятого, два варианта неоромантизма. Самый простой – это уход в выдуманную красоту или в героическое прошлое. И полярно противоположный способ – не украшать, а упрощать действительность, сводя ее к отчетливому черно-белому варианту. Неадекватность литературы такого рода как инструмента исследования жизни всё острее ощущается писателями, и внимательный читатель африканской литературы может заметить ставшие особенно наглядными в 70-е годы противоборство между реализмом и различными формами неоромантизма, борьбу за становление подлинно реалистической литературы.

Всё больше писателей осознают реальность положения – независимость не стала панацеей от всех бед. Независимость еще не есть свобода, а только первый этап на пути к подлинному освобождению человека. Следующие этапы, может быть, не менее трудные, чем первый, – это освобождение от социального ига, от невежества, от пережитков колониального прошлого, свобода от религиозного сознания... Эти трудные задачи, которые входят в круг проблем «духовная деколонизация», не могут решаться по отдельности, а только вкуче, ибо причины их взаимосвязаны, диктуют писателям особые требования как представителям самого передового отряда национальной интеллигенции, как архитекторам и каменщикам культурного строительства.

Кто он, творец сегодняшних культур Азии и Африки? Каков его внутренний мир? Как он отвечает на главный вопрос возрождения – кто мы?

Маргинальная личность

Особую роль в активизации культурных процессов играет в деколонизированном обществе так называемая первая интеллигенция. Она движущая сила общества там, где еще нет развитого рабочего класса. Первая интеллигенция – во главе освободительного движения, на ней ответственность за то, какими путями и темпами пойдет социальное развитие страны.

Как правило, первая интеллигенция – это выходцы из высших и средних слоев населения, впитавшие в себя культуру метрополии и в меньшей

степени традиционную народную культуру. Эта интеллигенция, рожденная на границе двух миров, – результат культурного этнического синтеза. Американские социологи, пожалуй, первыми заметили и описали это явление в термине – «человек на рубеже культур», определили его генезис как порождение империализма экономического, политического и культурного и сделали такое заключение – маргинальный человек легко становится неустойчивой личностью с космополитическим мировоззрением, у которого нет чувства подлинной связи со своим народом, со своей родной культурой и исторической традицией. И потому никакой позитивной роли в развитии этноса и его культуры маргинальная личность играть не может.

Мне кажется, вывод этот поспешен, ибо явление нами изучено недостаточно. Следует, вероятно, пока говорить о сложности, неоднородности, о диалектическом состоянии той части народа, которая волей истории оказалась маргинальной.

Я вспомнил один школьный урок. Если сложить пластины свинца и меди, то через некоторое время в результате взаимной диффузии частиц металлов на граничащих плоскостях образуется так называемый диффузионный или, применяя нашу терминологию, маргинальный слой бронзы. Чем выше температура, тем активней диффузия: на пластинах, помещенных в морозильник, бронза образуется значительно медленнее. Простоты ради, мне кажется, можно сопоставить этот пример с рассматриваемым явлением.

Даже антагонистические культуры в условиях расовой и национальной дискриминации взаимопроникают и образуют пограничный слой бронзы – результат вынужденного взаимодействия. Но если взаимодействие народов в федеральном государстве рассматривается в качестве сознательной цели, то есть процесс протекает в более теплой атмосфере, то диффузионный слой образуется быстрее и мощнее. Этот пограничный пласт – результат взаимодействия контактирующих культур и одновременно проводник дальнейшего взаимопроникновения. Я думаю, что в этом и состоит позитивное значение маргинальной личности. Она сама и произведение, и знак интеграла между двумя средами. Пограничная полоса не только разделительная линия, но и линия соединения.

Маргинальность была и во времена шумеро-египетских контактов, и всегда будет, пока народы взаимодействуют. Маргинальная среда выдвигала деятелей науки, литературы и политики. На границе иранской и арабских культур возросли Авиценна, аль-Хорезми, Хайям и Бируни. На границе иранской и тюркских культур расцвел гений Навои. Пушкин и Толстой – порождение по меньшей мере двух национальных культур – России и Франции.

Я не боюсь ошибиться, заявив, что все мы в той или иной степени люди маргинальной формации. И понимание своей природы необходимо для осознания долга и призвания – проводников процесса взаимодействия культур.

Историческая активность и пассивность

Мы поняли: расизм и комплекс расовой и национальной неполноценности зиждется на общей основе – на невежестве. Сокрушить комплексы Превосходства можно, лишь победив в себе комплексы Неполноценности. И поэтому, просвещая себя, мы боремся и с невежеством вчерашнего колонизатора. Независимость лишь первый шаг на пути к равенству.

Не только гнев и торжество, не только эмоции, но и печать глубоких размышлений на лице новой Африки, на лице новой Азии – на страницах литературы этих континентов, вот что вселяет уверенность в их будущем. Неза-

висимость – начало размышлений о своей судьбе, которая уже неотрывна от судьбы всего мира.

Эра колониализма началась с эпохи великих географических открытий. Европа открывала для себя мир и осваивала его, поработавшая. Эра колониализма завершится на наших глазах. Поработанные народы начинают открывать себя, осваивать материальные и духовные богатства своих родин. И открывать для себя мир во всех его культурных и этнических проявлениях.

Набирая силу и темп, возрождение народов несет с собой в числе прочих и такие важные вопросы: какими глазами смотреть на своих бывших поработителей? Какое выработать отношение к культуре Запада? Какие пути общественного развития наиболее согласуются с историческими традициями и достоинством народа?

Вычеркнуть пятьсот лет и начать с того момента, на котором социальное развитие было заторможено? Начать, чтобы пройти последовательно все стадии, которые пережили развитые страны? Или заимствовать самые современные структуры? И такие вопросы ставятся, первые ответы кое-где претворяются в жизнь.

Так, недавно в Центральной Африке создано маленькое государство, которое объявило себя империей по типу древнеримской. Уже функционируют государственные структуры феодального, монархического толка, есть государства, избравшие капиталистический путь развития, есть страны, в которых объявлен социалистический строй.

Независимость снимает политические барьеры и дает возможность деколонизированным народам выйти из вековой изоляции, целенаправленно участвовать в процессе мирового сотрудничества во всех сферах человеческой деятельности. Ибо уже очевидна научная формула любого развития (экономического, политического и культурного) – взаимодействия. Этот закон, на наш взгляд, универсален для любого социума:

ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, КУЛЬТУРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ – ЧЕРЕЗ ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ – К ЭПОХЕ ОСОЗНАННОЙ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ!

Таков путь справедливого развития нации в человечестве. И лишь в обществе, развивающемся во взаимозависимости, могут быть устранены причины, обуславливающие расовые и национальные предрассудки. Эту глобальную перспективу мы не должны терять при решении сегодняшних локальных задач, иначе независимость в своем предельном выражении может повести к самоизоляции. Иными словами, к общественной деградации.

Взаимозависимость – это условие существования человечества, но оно невозможно без взаимопонимания и направленного взаимодействия.

В 1920-х годах монгольский писатель Эрдене Батухан обратился к писателю Горькому с письмом, в котором рассказывал о трудностях становления новой монгольской литературы. Горький ответил: *«Наиболее полезной была бы вашему народу проповедь принципа активности. Именно активному отношению к жизни Европа обязана всем тем, что в ней прекрасно и достойно уважения всеми расами...»*

Принцип активности, стремящейся к деятельной свободе, а не к свободе бездействия».

Эти слова могут стать эпиграфом к новой главе истории каждого народа Востока и Африки. Как и мысль Льва Толстого о том, что переустройство мира

и переустройство человека должно происходить одновременно. В чем природа активного и пассивного отношения к жизни? Буржуазные ученые XIX века определили свое понимание в ответе на этот вопрос: оказывается, всё дело в особых свойствах расового характера. Европа обязана своим расцветом природной расовой активности; Азия, Африка и Америка были заселены расами с пассивным характером, потому они и оказались в подчиненном положении.

Авторы арийской теории довели эту мысль до совершенства, «доказав», что наиболее полно характер белой расы воплотился в германцах. Эта теория зародилась и утвердилась в сознании историков в то время, когда «сумрачный германский гений» ярко выражался в философии, музыке и технических науках. Когда считалось, что все великие открытия и изобретения (такие как изобретение пороха, книгопечатанье и др.) были сделаны на Рейне и Одере.

Набиравшее силу востоковедение обнаружило факты, противоречащие арийской системе. Оказалось, и порох, и книгопечатанье, и сама бумага были изобретены на Востоке в то время, когда германские племена еще стояли, по определению Энгельса, на нижней ступени варварства.

Эти и подобные факты требовали объяснения.

Каким образом народы, отнесенные к пассивным расам, могли создавать в древности выдающиеся цивилизации? Историк Грумм-Гржимайло объяснил этот феномен тем, что, оказывается, в жилах древних китайцев текла добрая струя привнесенной арийской крови.

Потом были открыты и изучены культуры Древней Передней Азии – Шу-меро-Аккада и Ассирии, созданные круглоголовым типом, к которому относились центральноазиатские народы. Если следовать логике, принятой в германской историографии, то надо было и семитов, и центральноазиатов признавать арийцами.

Ген ариизма проникает и в труды современных ученых. Не избежал его и широко известный ныне норвежский этнограф Тур Хейердал в своем оригинальном исследовании об инках. Он пришел к выводу, что инкскую и ацтекскую цивилизацию создали белокурые пришельцы. Правда, серьезных доказательств этому выводу нет, но сенсационные методы исследования привлекли к работам Хейердала внимание всего мира. И потому они получили бóльшую известность, чем работы мексиканских ученых, опровергающих эту концепцию. Арийские идеи работают уже в другой оболочке – яркой и добродушной. Так, по деталям, создавалась в умах картина истории мировых цивилизаций.

...Расовый и национальный характер с легкой руки арийских специалистов был зачислен в ряд вечных, неизменных ценностей, как раз и навсегда данное, представленное единым психологическим типом. Это постоянство расового и национального характера иначе как особыми свойствами крови не объяснить.

Из идеи неизменности народного характера произрастают еще бытующие в науке и литературе представления о народах робких и храбрых, добродушных и жестоких, ленивых и трудолюбивых. О народах, не способных к цивилизации, и о народах-деятелях.

Национальный характер и тем более расовый (если таковые вообще существуют) – категории зыбкие, изменчивые, подверженные воздействиям множества трудно учитываемых факторов – и среды обитания, и способов производства, исторических условий и т. д. и т. п. Историческая активность или пассивность того или иного народа скорее всего имели конкретные социальные причины.

От западоведения и востоковедения – к мироведению

...Эпохи возрождения всегда характеризуются ростом интереса к истории. В ней ищут ответы на вопросы современности. Исторический материал помогает понять механизмы развития сегодняшних представлений. Наиболее серьезные ученые так определяют роль средней школы: её основной задачей является обучение молодого человека нравственности, ясному логическому мышлению, истории цивилизации. Но, конечно, не датам, географическим названиям и описи памятников культуры. Надо прежде всего воспитать широту мышления, освободить юный мозг от пут стандартных рассуждений, показать захватывающую дух динамику развития взгляда на вещи...

...Мы уже стоим в преддверии новой школы, где история цивилизаций, то есть история мира, решительно потеснит историю войн. И мы будем воспитывать не только воинов, но и творцов. Пока только формируется убеждение, что история войн и государства – драматический фон или среда, в которой происходила настоящая история – драма человеческой мысли.

Почему я говорю всё это на собрании писателей, а не историков? Потому что литература – это наука, может быть, высшая из мировоззренческих наук, это художественное исследование жизни человека и общества. Рассматривая явление вне исторического контекста, мы его не поймем. И не случайно колонизаторская наука отнимала у народов Азии и Африки право на историю, не случайно входил в обиход термин «неисторические народы». Эпохи возрождения выдвигают писателей-энциклопедистов. Культура, восстающая из пепла, нуждается в них.

В борьбе с «европоцентризмом» поспешно рождалось в Азии противоположное направление – «востокоцентризм». И как результат противоборства этих течений – концепция локального, автономного развития каждой культуры.

Однако археологические и лингвистические открытия последнего времени заставляют заново переосмыслить карту древнего мира и поколебали представления об изолированном самобытном развитии населявших его народов.

На смену былому западоведению и востоковедению сегодня приходит мироведение. Когда основные положения его войдут в школьные учебники и основой мировоззрения подрастающих поколений будет знание того, что ни одна цивилизация не выросла на пустом месте, а возникла в процессе бурных взаимодействий с предшествующими и современными ей, тогда не будет почвы для споров и о природе активного и пассивного отношения к жизни.

Не научное, а научное мышление

Знание еще не победило веру. Кто из нас твердо знает, что Земля кружится вокруг Солнца? Мы не знаем, мы просто верим в это, как раньше верили в то, что Солнце вокруг Земли. Мы верим, что бога нет, с такой же горячностью, как раньше верили в его существование. Обучение основано на зубрежке, на заучивании, на беспрекословной вере в своих учителей, в безграничность, в безошибочность их знаний. Мы воспитываем не научный способ мышления, а наученный, то есть знания накладываются на те же стеллажи мышления, на которые возлагались постулаты веры.

Как мы относимся к истории? Объективному исследователю чуждо чувство исторической обиды и благодарности. Проявление эмоций деморализует науку. Мы должны знать, а не переживать прошлое. Но пока что историография всё еще искусство. Мы, созидая прошлое, творим его по подобию сво-

его мировоззрения, переводим великую поэзию Древности на язык своего понимания. Но любой перевод неадекватен оригиналу. Даже улучшая оригинал, эмоциональная наука творит монстра.

Единственный выход – создавать универсальное мировоззрение, общее для культур всех этносов.

Мы должны, описывая прошлое, оперировать рациональными понятиями, избегая эмоциональных категорий. Был каменный век, век бронзы, век железа. Но не было у человечества, а значит, ни у одного племени золотого века. Все народы – участники и акционеры любой цивилизации, и каждый из нас сегодня – наследник всей истории человечества от Шумера и Египта, и каждый ответствен за сегодняшнюю цивилизацию. Никто никому ничего не должен. Современный африканец имеет право сознательно владеть прошлым человечества не меньше, чем любой гражданин Запада и Востока. И грек X века не мог считать себя единственным наследником эллинизма, ибо уже знал его меньше, чем образованный араб того времени, читавший Аристотеля в переводах и толкованиях аль-Фараби. Прошлое принадлежит тому, кто его знает. Будущее – тому, кто его созидает.

Мы определяем свое отношение к культурам вчерашних колоний и метрополии. Действительно, культура метрополии – понятие сложное. Есть культура парашютистов и культура Шекспира, Сервантеса, Гюго. Как наши предки в XIX веке умели отличать голос пушек от голоса Пушкина.

Мы так часто произносим слово «культура», оно стало так привычно, что зачастую не требует осмысления. Но в каждую эпоху, в каждом обществе оно несет разные значения. Когда мы говорим о культуре высоко цивилизованного общества, мы подразумеваем синтез науки, интеллектуального искусства, религии и соответствующей морали, а на островах Полинезии или в некоторых племенах Африки культура выражается только искусством и примитивными верованиями. В оценке этого явления всегда преобладает внешний, количественный критерий. Мне кажется, самое общее определение культуры, годное для разных обществ и времен: культура – это доведенные до оптимума, сбалансированные взаимоотношения человека и среды, выработанные условиями борьбы за существование. Эскимос, за тысячелетия достигший гармонии со средой обитания, был культурней пришельца, не приспособленного к суровым условиям Севера. Полуголый африканец в долинах Кванзы и Замбези был на первых порах культурней пришлого португальца.

...Каждый из нас определяет тип своей культуры и пути ее развития. Относится ли она к типу островных, то есть изолированных самобытных культур, или к континентальным, возникшим в условиях контактов, или к межконтинентальной, стремящейся к мировой модели.

Выход из изоляции, активный контакт, взаимодействие – вот что важно для будущего любой современной культуры.

Дискуссии о путях развития национальных культур естественно обострены в условиях мировой интеграции. Особенность становится самоцелью, принимается как высшая ценность национальной культуры. Но эти меры едва ли способны принести что-нибудь кроме вреда национальной культуре. Там, где преобладает Особенное, совершенно естественно стремление к Общему, и наоборот.

В сильно интегрированной евро-американской культуре Общее преобладает над Особенным, и потому отчетливо прослеживается тенденция к индивидуальному, экзотичному. Особенное, Необычное, Экстравагантное, Оригинальное давно стало критерием оценки любых проявлений западно-

го искусства. Организму западной культуры не хватает пряностей, и она их ищет, находит и культивирует. Увлечение формами неолита, примитивных искусств островных культур, литературный авангардизм – всё это явления одного порядка, всё это объясняется естественными процессами развития мировой модели. Но стоит ли культурам с сильно выраженным островным комплексом Особенного некритически заимствовать этот критерий?

Крайне важно соблюдение диалектической пропорции Общего и Особенного в литературе. Ибо доведенный до предела культ Особенного лишает произведение литературы коммуникабельности, она перестает быть средством общественной информации, становится вещью в себе, не выполняет свою функцию. И эта зависимость от западных оценок особенно опасна там, где литература находится в становлении и общественная ее роль необычайно высока и необходима.

Эволюция Homo Sapiens резко разделяется на два этапа – бесписьменный и письменный периоды. Первому миллионы лет. Последний насчитывает всего шесть тысячелетий. Высшим техническим достижением Человека Слушающего был каменный топор. Человек Читающий создал всё остальное. Он и стал воплощением Человека Мыслящего и Творящего. Письмо способствовало ускоренному развитию мыслительного аппарата. Закономерность темы «Книга и цивилизация» доказывается на многочисленных примерах из истории: с появлением у народа письменности развивались государство, науки, искусства; забывалось письмо – культура деградировала. Книга является самым объективным, самым выразительным символом цивилизации. Она развивает творческие способности, заложенные в человеке, как никакое другое средство информации.

...Мы живем во времена особые.

Еще в начале века Лев Толстой в интервью американскому журналисту очень крупно высветил взаимозависимость графика социальной жизни и литературы. Он говорил: «Великая литература рождается в период освободительных движений, когда пробуждается нравственность». Точность этого наблюдения доказывается примерами из истории многих культур. И стремительный расцвет африканских, азиатских, латиноамериканских литератур в последние десятилетия объясним универсальной формулой Толстого. Азия и Африка сейчас переживают, может быть, самый яркий период своего исторического существования. И эта переполненная социальными страстями, сложная, бурная эпоха нуждается в максимально реалистическом выражении.

* * *

В этом зале находятся основоположники новых литератур, деятели Возрождения, призванные возбуждать творческую энергию народов, пробудившихся к человеческой жизни. Не упустить, не растратить, предельно использовать это редкое время, которого ждали, добивались полтысячелетия, успеть создать великие культуры, достойные наших страданий, сомнений и надежд. Успеть внушить людям нравственность, естественность человеческого достоинства, сознание всеобщей взаимозависимости как условия существования на нашей маленькой родине – планете Земля.

